

Сквозь затуманенный влагой взгляд он разглядел холодный блеск лезвия, неподвижно замершего у самого лица. Стоило ему шевельнуть головой, как клинок у шеи бесцеремонно прижался плотнее. Кевин почувствовал, как острыйё рассекло кожу под кадыком, и наружу выступила капля крови.

Пусть про него и говорили, будто он «практически бессмертен», боль он чувствовал как самый обычный человек — ничуть не слабее остальных.

Кевин со свистом втянул сквозь зубы воздух и поморщился. Взгляд ещё не прояснился, а в ушах уже один за другим зазвучали всплески воды, которые тут же резко обрывались: это следом за ним приземлялись Бан, Ник и остальные.

— Фас... твою ж мать! — Ник, которого, видимо, изрядно закрутило в воде, хотел было выяснить, где Кевин, но сразу же удостоился аналогичного королевского приема — холодного лезвия у горла.

Один за другим слышались судорожные вздохи, но все они тут же оборвались, задушенные на корню.

Раздалось странное хрипение — будто кто-то перешёптывался на причудливо лающем наречии.

Капли воды на ресницах Кевина наконец высохли, и зрение прояснилось. Твари, преследовавшие их с самой вершины горы, снова предстали перед его глазами.

Чудовище, прижимавшее лезвие к его шее, нисколько не смутилось тем, что пленник открыл глаза. Оно приблизило свое уродливое лицо к горлу Кевина и шумно втянуло воздух, словно пытаясь уловить какой-то запах.

С такого ракурса лицо твари выглядело еще более пугающим: выпученные глазные яблоки заволокла серовато-белая пелена, из-за чего радужка почти не угадывалась — оставалась лишь крошечная точка зрачка в самом центре. Кожа на лице, как и на всем теле, напоминала старую растрескавшуюся кору, из которой кое-где топорщились колючие молодые побеги.

В целом чудовище походило на ожившего старого древовения.

Должно быть, из-за слишком толстой кожи на лицах старых древовенов не отражалось никаких эмоций, что делало их угрюмыми и свирепыми.

Помимо тех нескольких древовенов, что прижимали клинки к горлу пленников, чуть поодаль стояли еще несколько особей, по всей видимости, вожаки. Они тыкали пальцами в схваченный элитный отряд и оживленно о чем-то лопотали.

У тех, кто сумел выбиться в люди в легионе, частенько находились весьма необычные таланты — например, чрево вещание.

Мокрый как мышь Ник, даже не шевельнув губами, спросил еле слышным шепотом чрево вещателя:

— Кто-нибудь может перевести, о чем лопочут эти психи?..

Кевин ответил ему так же быстро и тихо:

— Подозреваю, что до нас сюда уже кто-то пробрался. Обычно эти твари держатся подальше от

входа и днем сюда не суются — терпеть не могут дневной свет.

Ник пробормотал:

— Скажи честно, есть хоть что-то, чего ты не знаешь?

Кевин отозвался:

— Спасибо за комплимент.

Еще один офицер, тоже владевший чревовещанием, с тоской в голосе вклинился в разговор:

— Ребята, ради всего святого, нашли время для болтовни. Они там часом не обсуждают, как нас порешить?

Уловив подозрительный шорох, вожак старых древовенов замолчал и угрюмо покосился на пленных своими подернутыми белесой пеленой глазами.

Ник и остальные мгновенно притихли, уставившись в землю и стараясь даже не дышать.

Вожак вытянул сухую, похожую на корявую ветку руку, свел вместе средний и указательный пальцы и покачал ими, отдавая безмолвный приказ.

Не успели Кевин и остальные опомниться, как удерживавшие их древовены с молниеносной быстротой замахнулись и безжалостно обрушили локти на головы пленных.

В глазах у людей потемнело, и они разом лишились чувств.

В то мгновение Кевин вполне мог уклониться от клинка и заблокировать удар, но тогда он неизбежно ранил бы шею. Кровь из сонной артерии хлынула бы ручьем, останавливать ее пришлось бы долго, да и затягивалась бы рана неохотно.

В итоге Кевин решил не дергаться, принял удар древовения и послушно провалился в беспамятство вместе со всеми.

Дело в том, что он прекрасно понял разговор вожаков древовенов: они не собирались убивать элитный отряд на месте, а намеревались оттащить их в свое поселение.

А оно находилось практически у самого входа в Гробницу Бога Фаэ.

Для такого ленивого до мозга костей человека, как Кевин, возможность добраться на чужом горбу окупала даже удар по голове.

Сознание вернулось к Кевину точно в рассчитанный им срок. Когда он пришел в себя, древовены как раз доставили их группу в свое логово.

Кевин выровнял дыхание, притворяясь бесчувственным, как и остальные. Древовены так и не поняли, что среди «тел» завелся притворщик, и, волоча за собой, запихнули весь элитный отряд в довольно тесное помещение.

Только когда их гортанный лепет затих вдали, Кевин открыл глаза.

Потолок здесь напоминал купол, плотно сплетенный из толстых перекрученных лиан, переплетенных ветвей и колючего кустарника.

Пожалуй, это место можно было назвать «пещерой».

На стенах пещеры висело несколько мешочков размером с ладонь. Они были почти прозрачными и тонкими, словно могли порваться от малейшего прикосновения, напоминая очищенные кишки животных.

Внутри этих оболочек копошились светящиеся жуки, заменявшие естественные светильники.

Благодаря им в помещении было довольно светло.

Пользуясь этим светом, Кевин осмотрелся вокруг.

В углу пещеры громоздилась гора лесных ягод, на стенах висели гирлянды цветов с крупными тычинками, а также туши всевозможных неведомых тварей.

Причем туши были разделаны: кости, мясо и шкуры лежали отдельно. Шкуры были свалены в кучу, мясо, нарезанное полосами, покачивалось на подвесах под потолком, а перевернутые черепа явно использовались в качестве мисок — в каждом из них что-то лежало.

Судя по всему, это была кладовая старых древовенов.

Или, в некотором роде, кухня.

Уходя, древовены накрепко связали пленным руки и ноги колючими стеблями лиан. Стоило шевельнуться, как шипы вонзались глубоко в плоть, вызывая жгучую боль.

Кевин на эту боль внимания не обратил. Он слегка повернулся, чтобы устроиться поудобнее.

Ник и остальные валялись вокруг, громоздясь друг на друга словно мешки. Нога Бана красовалась прямо на лице одного из офицеров.

Прямо у них за спинами, в углу, почему-то выстроились семь или восемь неподвижных каменных статуй. Они стояли лицами к стене и спиной к Кевину. Судя по очертаниям фигур и одежде, это были человеческие изваяния. Возможно, древовены высекли их от нечего делать, а может, притащили из Гробницы Бога Фаз.

Только непонятно, зачем их понадобилось держать в таком месте, как кухня.

Кевин хотел рассмотреть их получше, но снаружи послышался шорох шагов. Звук приближался и наконец затих по обе стороны от входа на кухню — судя по всему, пришла охрана.

Не заглядывая внутрь, стражи лениво переговаривались между собой.

Полагая, что пленные все равно не понимают их языка, стражники говорили совершенно открыто.

На их беду, внутри лежал тот, кто прекрасно понимал почти все, о чем они болтали.

— Долго нам еще тут торчать? Нас вообще сменят? — услышал Кевин вопрос одного из них.

Второй лениво отозвался:

— Не ной. Все остальные заняты. Кто будет сторожить, если не мы? Или ты хочешь, чтобы тебя отправили наружу?

— Нет уж! Даже в сезон дождей там слишком светло, просто невыносимо. Не хочу лишиться шкуры.

— Ну вот и помалкивай. В последнее время сюда лезет слишком много чужаков, так что о безделье забудь, — проворчал второй.

— Обе группы, что мы поймали, выглядят одинаково. Они заодно?

— Пахнут по-разному. Разве ты не слышал? У одного из новеньких очень странный запах.

— И чем же он пахнет?

Второй заговорщически понизил голос:

— Как «Тот Самый».

Первый древоень шумно выдохнул:

— Так это же именно тот, кого мы искали?

— Именно. Вчерашняя партия плюс сегодняшняя — как раз хватит для ритуала жертвоприношения. А с этим, особенным, защиты хватит на долгие годы.

— А-а, теперь понятно, почему нас поставили их караулить.

— Если не караулить, они же сбегут до того, как с них сдерут кожу и выпустят кровь. Кто тогда будет отвечать? Нам с таким трудом удалось найти кого-то с таким похожим запахом.

— ...

Сдирать кожу и выпускать кровь?! Чертов вожак древовенов до этого талдычил лишь о том, что они еще пригодятся, и велел притащить их сюда для дальнейшего обсуждения. Он даже словом не обмолвился, что это «пригодятся» означает подобную участь...

У Кевина дернулся уголок рта. Похоже, в этот раз его привычка лениться сыграла с ним злую шутку. Самому-то ему было все равно — он мог сбежать в любой момент, а вот тем, кто валялся рядом без чувств, придется несладко.

<http://bllate.org/book/18285/1753205>